

ПЯТЬ УРОВНЕЙ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ МИФОЛОГИИ

Толстых Владислав Леонидович

Ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, заведующий кафедрой международного права Новосибирского государственного университета, доктор юридических наук (Новосибирск), e-mail: vlt73@mail.ru

Данная статья продолжает статью «Международное право как мифология», в которой утверждается, что дескриптивные идеи, используемые международным правом, искажают реальность и в связи с этим являются мифами. Мифологическая структура международного права состоит из пяти уровней. На первом, базовом, уровне находятся идеи суверенитета и прав человека, которые имеют основу в христианском учении о воле и были окончательно утверждены при переходе от Средних веков к Новому времени (XVI–XVII вв.). На втором уровне находятся либеральные идеи XIX в.: мирного разрешения споров, международного управления, свободы торговли, гуманного ведения войн и самоопределения. На третьем уровне находится идея международного преступления, сформулированная после Второй мировой войны и применимая к действиям государств (агрессивная война) и действиям частных лиц (терроризм). На четвертом уровне находятся неолиберальные идеи второй половины XX в.: общего суверена, общего права, запрета применения силы, устойчивого развития, общего наследия и др. На пятом, формирующемся, уровне находится идея технологий. В данной статье рассматриваются особенности каждого уровня: культурологические и политические предпосылки его формирования, связь с другими уровнями, свойства организованного на его основе порядка, содержание и логические дефекты образующих его мифов, характер их деструктивного воздействия и др.

Ключевые слова: познание, международное право, мифология, суверенитет, права человека, история права, политика

FIVE LEVELS OF INTERNATIONAL LEGAL MYTHOLOGY

Tolstykh Vladislav

Leading researcher, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, head of the chair, Novosibirsk State University (Novosibirsk), doctor of legal sciences, e-mail: vlt73@mail.ru

This article continues the article «International Law as a Mythology», which states that the descriptive ideas used by international law distort reality and are, therefore, myths. The mythological structure of international law consists of five levels. At the first (fundamental) level, there are the ideas of sovereignty and human rights, which have a basis in the Christian doctrine of the will and were finally approved during the transition from the Middle Ages to the Modern history (the 16th and 17th centuries). At the second level, there are the liberal ideas of the 19th century: peaceful settlement of disputes, international governance, free trade, humanization of war and self-determination. At the third level, there is the idea of international crime, formulated after the Second World War and applicable to acts of states (aggressive war) and acts of individuals (terrorism). At the fourth level, there are neoliberal ideas of the second half of the 20th century: common sovereign, common law, prohibition of the use of force, sustainable development, common heritage, etc. At the fifth (emerging) level, there is the idea of technology. The article discusses the features of each level: the cultural and political prerequisites of its formation, the relationship with other levels, the characteristics of the order organized on its basis, the content and logical defects of the relevant myths, the character of their destructive impact, etc.

Key words: cognition, international law, mythology, sovereignty, human rights, history of law, politics

Данная статья продолжает статью «Международное право как мифология»¹, в которой была изложена общая теория вопроса. Основные постулаты этой теории состоят в следующем.

Международное право оперирует не только прескриптивными, но и дескриптивными идеями, которые описывают и объясняют реальность. Дескриптивные идеи искажают реальность и в связи с этим являются мифами. Дескриптивная структура международного права состоит из пяти уровней: первый образуют идеи суверенитета и прав человека, второй – либеральные реформаторские идеи XIX в., третий – идея международного преступления, четвертый – неолиберальные идеи второй половины XX в., пятый – идея технологий. Эта структура по большей части совпадает со структурой внутреннего права, поскольку в основе теории международного права лежит внутренняя аналогия, согласно которой международный порядок, как и внутренний, является результатом договора между индивидами, стремящимися к безопасности.

Правовые мифы нередко формулируются частными лицами, которые действуют под влиянием личной ситуации, но претендуют на объективную оценку исторических фактов. Они обычно вводятся с целью разрешения острого политического кризиса, сопровождающегося обесцениванием старых идей. Правовой миф опирается на все три способа легитимации, но прежде всего на харизматическую легитимацию, которая состоит в апелляции к естественным законам, вытекающим из человеческой природы.

Негативное воздействие мифа осуществляется по нескольким направлениям: во-первых, миф формирует ограниченный и закрытый дискурс; во-вторых, порождает логические противоречия; в-третьих, разрушает социальную реальность; в-четвертых, является инструментом господства; в-пятых, отчуждает от экзистенции; в-шестых, сцепляется с другими мифами, образуя мифологическую структуру. Реальность сопротивляется воздействию мифа. Когда сопротивление достигает критического уровня, миф перестает справляться с функцией организации порядка и мифологическая структура вынужденно трансформируется. Данная трансформация означает не гибель мифа, а его мимикрию или формирование защитного мифа.

Миф может быть разоблачен, хотя это является крайне сложной интеллектуальной задачей. Разоблачение не предполагает выхода из пространства мифа; человек, осознающий несовершенство мифа, остается привязанным к нему личной судьбой. В связи с этим важно сконструировать институциональный уровень преодоления мифического. Особая актуальность мифического обусловлена тем, что человечество находится в преддверии грозных событий, контуры которых еще не определены до конца.

В настоящей статье приведенные тезисы иллюстрируются применительно к отдельным уровням мифологической структуры.

Первый уровень: мифы о правах человека и миф о суверенитете. Миф о правах человека и миф о суверенитете объединены идеей индивидуальной воли, которая делает акцент на способности субъекта принимать самостоятельные решения и воплощать их в жизнь. Индивидуальная воля ценна не сама по себе, а как проявление более глубокого качества – достоинства, которое представляет собой способность субъекта к индивидуализации, т. е. к созданию собственного, отдельного «я» (в интеллектуальном, социальном, экономическом и иных смыслах). Поскольку неограниченная реализация воли приводит к хаосу, необходим общественный договор, согласующий отдельные воли (свободу) и общий интерес (порядок). Будучи заключенным между людьми, он создает государство, будучи заключенным между государствами – международный порядок.

Идея прав сдерживает тоталитаристские устремления отдельных государств, возлагая на них обязанности по учреждению демократической системы и защите прав, и одновременно консолидирует международный порядок. В последнем случае она формулируется как главная задача глобального суверена, не подверженного болезни тоталитаризма, и определяет возникновение права на сецессию, режим санкций, вопросы признания, действие договоров и оговорок к ним, действие суверенных иммунитетов и др. Идея суверенитета присутствует на всех уровнях международного права; она определяет момент возникновения государства, толкование правовых принципов

¹ Толстых В. Л. Международное право как мифология // Российский юридический журнал. 2019. № 2. С. 32–47.

(запрет вмешательства понимается как запрет препятствовать отправлению власти; равенство – как одинаковая субъектность правительств и т. д.), разрешение территориальных споров (принцип эффективной юрисдикции), критерии справедливой войны, позитивный характер источников (договор и обычай рассматриваются как соглашения правительств) и т. д.

Родословная обоих мифов уходит в глубь веков. Античная культура объясняла возникновение мира действием космических стихий, персонифицированных лишь условно¹. Олимпийцы, управлявшие миром, не сотворили его и поэтому в своих поступках были ограничены его общими законами (*Δίκη*)². Действие этих законов распространялось и на социальную жизнь. Одним из них было стремление людей к общению и совместной деятельности, в результате которого было образовано государство – высшая форма жизни людей, связанных общим интересом³. Государство не рассматривалось как особый субъект, противостоящий остальному населению; такое понимание противоречило бы самой идее общения; оно трактовалось как *res publica* – общее дело, в котором может и должен участвовать каждый свободный человек⁴. Другим законом была справедливость, служащая мерилom достоинства и связывающая людей друг с другом⁵. Справедливость выражалась не только в законах, но и непосредственно, например в пророчествах пифии или через жребий.

Христианство отменило эту парадигму. Согласно Ветхому завету мир не возник стихийно, но был сотворен единым Богом: «В начале сотворил Бог небо и землю» (Бытие, 1:1). Бог, таким образом, был возвышен: он перестал быть значимой частью порядка, подчиненной его законам, но сам стал его единственным творцом и управителем. Вместе с Богом был возвышен и человек, признанный богоподобным: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его» (Бытие, 1:27)⁶. Новые смыслы были выражены непосредственно в Священном Писании, что придало им неоспоримый характер и высшую силу. Ранняя христианская доктрина, сформулированная в период распада Римской империи, в лице Августина проводила довольно резкую границу между двумя градами – Небесным и земным, допуская тем самым их организацию на основе различных принципов⁷. Новые политические условия, однако, требовали новых идей, а христианство и взаимодействующие с ним античные системы были единственным источником, откуда эти идеи могли быть почерпнуты.

Первой такой идеей стала идея персонифицированной власти. Она была неизвестна в эпоху принципата, когда власть императора основывалась на сочетании различных магистратур (трибуна и пр.), и стала проявляться лишь в эпоху домината. При Диоклетиане она исходила из отождествления императора и бога – традиции, привнесенной с Востока и поэтому искусственной и непрочной. Константин Великий и

¹ Так, Гомер говорит о «бессмертных отце Океане и матери Тетиде» (Гомер. Илиада. М., 2000. С. 225).

² Пифия в одном из прорицаний провозгласила: «Предопределенного Роком не может избежать даже бог» (Геродот. История. Л., 1972. С. 40).

³ По Аристотелю, «всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага» (Аристотель. Политика. М., 2012. С. 22). По Цицерону, «государство [*res publica*] есть достояние народа, а народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов» (Цицерон. О государстве // Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М., 1966. С. 20).

⁴ Р. Хайнце пишет: «Для римлянина *res publica* идентична *res populi*, «вещи» народа, но в гораздо большей степени под *res populi* понимается не конкретное имущество, а некое абстрактное общенародное „дело“, включающее в себя все интересы народного сообщества» (Хайнце Р. Ректорская речь в Лейпциге, 1921. Цит. по: Шюрбаум В. Цицерон: De re publica // Res publica: история понятия. СПб., 2009. С. 172). Латинский термин «*res publica*» если не тождествен, то близок терминам «общность» и «общая польза», используемым Платоном и Аристотелем, и, таким образом, отражает не сугубо римское, но общее для античной цивилизации понятие (Платон. Законы, или О законодательстве // Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М., 2013. С. 1196; Аристотель. Указ. соч. С. 103).

⁵ По словам Аристотеля, «понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политического общения» (Аристотель. Указ. соч.). Э. Аннерс характеризует греческое право как «комплекс этических правил, воплощенных в понятии *to dikaion* (справедливость)» (Аннерс Э. История европейского права. М., 1994. С. 44).

⁶ Античная культура использовала метафоры, связанные с богоподобием, только как риторическое украшение и только в отношении выдающихся личностей – Геракла, Ореста, Одиссея (см. «Илиада» и «Одиссею» Гомера).

⁷ Августин Аврелий. О граде Божием. Минск; М., 2000.

Феодосий I, однако, смогли разглядеть потенциал христианства и, встав на его защиту, заложили основу для нового типа легитимации, базирующегося на идее катехона (*ὁ κατέχων*) – субъекта, противостоящего злу и защищающего церковь. Переход к новому типу был отсрочен распадом империи, но Карл Великий (800 г.) и Оттон I (962 г.) завершили его, получив императорскую корону из рук римских пап. Согласно иной точке зрения персонификация власти была обусловлена тем, что завоеванная варварами земля переходила в руки отдельных вождей (а не всего племени)¹. Как бы то ни было, в Средние века политическая власть была уже полностью персонифицирована².

Другой идеей стала идея достоинства и личной свободы. В античной культуре эти понятия имели преимущественно политические коннотации, в христианской культуре они приобрели онтологическое значение. У Августина свобода воли дается Богом для того, чтобы человек мог заслужить награду или воздаяние, в которых выражается божественная справедливость³. Ренессансные гуманисты предложили несколько иное понимание, делающее акцент не на последствиях свободы воли, а на ее неограниченности. Этот акцент синтезировал идеи богоподобия человека и вездесущности Бога: будучи богоподобным, человек, как и Бог, может присутствовать в любых вещах, хотя и не во всех сразу. Результатом стало понимание достоинства как уникальной способности человека самостоятельно формировать свою личность и выбирать свой путь (быть индивидом, непохожим на других)⁴. Это понимание было отражено в программной работе Дж. Пико делла Мирандолы «*Oratio de hominis dignitate*» (1496 г.)⁵. Подорвав возможности морали, эта идея заложила основу для будущей экспансии права.

Еще одним важным следствием синтеза богоподобия и вездесущности стало изменение функции денег. В античном обществе и раннем Средневековье критерием социального статуса личности был вклад в общее дело или происхождение; деньги лишь усиливали возможности, связанные с этим статусом. В современном обществе роль денег стала определяющей. Речь идет не об установлении корреляции между деньгами и личными заслугами (трудолюбием, талантом, родословной и т. п.) и не о восхищении человеком, имеющим и потребляющим материальные блага, недоступные другим⁶, но об уважении, проявляемом к *потенции* богатого человека, т. е. к его способности стать кем угодно, купив что угодно. Эта потенция есть не что иное, как

¹ П. Андерсон пишет: «Все сохранившиеся договоренности между римлянами и варварами о разделе земли касались только двух человек – провинциального землевладельца и какого-то одного германского партнера; хотя позднее *sortes* обрабатывались многими германцами. Поэтому, скорее всего, земли присваивались клановыми оптиматами, а затем заселялись рядовыми соплеменниками, становившимися их арендаторами или, возможно, небогатыми мелкими землевладельцами» (Андерсон П. Переходы от античности к феодализму. М., 2007. С. 113).

² Ф. Граус отмечает «персонализм средневековых воззрений на государство, т. е. концентрацию внимания на персоне государства как носителя суверенитета, полное отождествление королевства с персоной короля» (Цит. по: Медведев И. П. Некоторые правовые аспекты византийской государственности // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.). Л., 1990. С. 8).

³ Августин Аврелий. О свободе воли // Антология средневековой мысли / под ред. С. С. Неретиной. СПб., 2001. Отсюда – идея двух свобод: подлинной (от греха), приближающей человека к Богу, и животной, которая состоит в следовании своим дурным желаниям и отдаляет человека от Бога.

⁴ По словам Л. М. Баткина, до Ренессанса отдельность Я оценивалась отрицательно; Я воспринималось не само по себе, а лишь в контексте причастности к некоей общности. Индивид усматривал высшее достоинство в том, чтобы следовать образцу и как можно меньше быть этим. В эпоху Ренессанса произошел переход к обоснованию индивидуальности из нее самой; жизнь и смерть потрясают отныне не повторяемостью, а уникальностью (Баткин Л. М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989. С. 3–31). См. также: Толстых В. Л. Ренессансное понимание достоинства и его влияние на современную концепцию прав человека // Правоведение. 2016. № 2. С. 48–61).

⁵ Согласно Мирандоле, когда Бог создал человека, все прообразы уже были распределены. Тогда он придал человеку неопределенный образ: «Не даем мы тебе, о Адам, ни своего места, ни определенного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно своей воле и своему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю... Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие, божественные» (Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса: в 2 т. / сост. В. П. Шестаков. М., 1981. Т. 1. С. 248–265).

⁶ Еще А. Смит писал, что богатые «потребляют не более, чем бедные» (Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997. С. 185).

претензия на богоподобие. Корни капитализма в этом смысле уходят гораздо глубже в историю, чем полагал М. Вебер¹, и отражают не столько веру нововременной буржуазии в свою богоизбранность, сколько саму суть христианства, возвысившего человека над миром².

Для феодализма были характерны множественность и пересечение юрисдикций: власть на одной территории осуществлялась сразу несколькими субъектами (папой, императором, монархами, феодалами, цехами и муниципалитетами), находившимися в сложных отношениях взаимозависимости. В XVII в. эта структура перестала соответствовать экономическому базису и была разрушена буржуазией, заинтересованной в защите от произвола аристократии и создании единого рынка. Идеологией разрушения стала Реформация, которая призвала к прямой связи с Богом, не требующей посредничества священников, т. е. распространила идею свободы, инспирированную Церковью, на отношения внутри самой Церкви. Этот лозунг обесценил претензии Церкви на экономические преференции и легитимацию власти. Другим инструментом стали права человека, способствовавшие распаду феодальных корпораций³. В итоге феодализм был заменен новой структурой, характеризующейся верховной и исключительной властью монарха (суверенитетом) в пределах крупных политико-территориальных образований (государств).

Эта новая структура была обоснована в рамках теории общественного договора Т. Гоббса. Согласно данной теории в естественном состоянии люди пользуются неограниченной свободой, но их безопасность находится под угрозой⁴. Движимые врожденным стремлением к миру, они заключают коллективный договор, в котором учреждают государство и передают ему право управлять собой, получая взамен гарантии прав. Государство – это не просто объединение людей, но особый субъект, возвышающийся над своими подданными: «искусственный человек», «смертный Бог», «Левиафан»⁵. Данная теория, таким образом, предложила новое объяснение политической власти, ограничила круг ее носителей, отделила идею позитивного права от идеи естественного права, «приземлила» понятие достоинства, придав ему политическое измерение в виде прав человека, и определила принцип отношений между государством и его подданными. Она, однако, не затронула сам принцип активной и творящей воли, ограничившись лишь заменой субъекта воли с Бога на человека, т. е. секуляризацией старого мифа.

Впоследствии мифология Нового времени была развита и дополнена. Дж. Локк усилил роль прав человека и обосновал право народа на восстание; Г. Гегель подверг критике идею общего договора, основанного на индивидуальной воле, и выдвинул идею субстанциальной воли; И. Кант дал более точное определение достоинства (способность разумного существа самоопределяться и мыслить долг в качестве цели) и т. д. Создавая видимость дискуссии по существу, все эти концепции не преодолевали древний и буквально врезанный в общественное сознание религиозный миф о воле,

¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 2017.

² К. Маркс пишет: «Деньги, обладающие свойством все покупать, все предметы себе присваивать, представляют собой, следовательно, предмет в наивысшем смысле... То, что существует для меня благодаря деньгам, то, что я могу оплатить, т. е. то, что могут купить деньги, это – я сам, владелец денег. Сколь велика сила денег, столь велика и моя сила. Свойства денег суть мои – их владельцы – свойства и сущностные силы... И разве я, который с помощью денег способен получить все, чего жаждет человеческое сердце, разве я не обладаю всеми человеческими способностями?» (Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 616, 618). Та же мысль есть и у У. Шекспира, процитированного Марксом: «Тут золота достаточно вполне, // Чтоб черное успешно сделать белым, // Уродство – красотой, зло – добром, // Трусливого – отважным, старца – юным, // И низость – благородством. Так зачем Вы дали мне его? Зачем, о боги?» (Шекспир У. Тимон Афинский // Шекспир У. Полное собрание сочинений: в 8 т. М., 1960. Т. 7. С. 480).

³ По словам К. Маркса, признав за жизненной деятельностью лишь индивидуальное значение, права разрушили феодальные сословия, корпорации и цеха, разбили гражданское общество на эгоистических индивидов и тем самым приобщили их к государственному целому (Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1955. Т. 1. С. 382–413).

⁴ Здесь налицо скрытая отсылка к феодализму и праву частной войны (Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб., 2008. С. 91–92).

⁵ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М., 1991. Т. 2. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf.

но лишь адаптировали его к новым обстоятельствам и защищали от по-настоящему состоятельных альтернатив. Среди классических философов, пожалуй, только К. Маркс смог обнаружить глубинное зло, содержащееся в государстве и капитализме, определив его как отчуждение от родовой жизни¹. Заявив о предстоящем *отмирании* государства, он, однако, не объяснил достаточно четко, каким образом оно произойдет и как будет выглядеть будущее политическое устройство.

В версии Т. Гоббса общественный договор регулировал только внутреннее устройство; международные отношения считались сферой господства хаоса². Другие авторы, однако, перенесли принципы внутреннего устройства на данные отношения, представив международный порядок как глобального суверена. Такая *внутренняя аналогия* была осуществлена уже в начале XVII в. Ф. Суаресом³, спустя столетие его поддержал К. фон Вольф. Международное право редко апеллирует к этой аналогии, но она прямо следует из его содержания (его принципы = личные права; его процедуры и организации = порядок). Наличие двух параллельных договоров порождает важную перверсию: суверенитет, олицетворяющий порядок внутри государства, в международных отношениях выражает свободу, и наоборот, права человека, изначально выражавшие идею свободы, в международных отношениях олицетворяют порядок. Несоблюдение прав в связи с этим рассматривается как акт, доказывающий, что государство не способно распоряжаться своей свободой должным образом⁴.

Недостаточность объяснения природы государства и человека через призму индивидуальной воли очевидна. Действительно, государство – это не только правительство, принимающее властные решения, но также способ обеспечения общего блага (Платон), социальная коммуникация (Аристотель), сфера действия общей воли (Ж. Ж. Руссо), продукт исторической эволюции и воплощение субстанциальной воли (Г. Гегель), культурное и языковое пространство (В. Гумбольдт), национальное образование и др.⁵ Аналогично человек – это не только индивид, стремящийся выбирать, но также член коллектива, испытывающий потребность в признании (консерватизм); существо, отчужденное от труда и родовой жизни (марксизм); верующий, стремящийся избежать греха (раннее христианство) и покорный божественной воле (ислам); тот, кто испытывает постоянные страдания и стремится спастись от них (буддизм); жертва цивилизации, угнетенная потоками информации и необходимостью постоянного выбора (Ж. Бодрийяр, С. Жижек), и др.⁶

В силу диспозитивности международного права действие мифа о суверенитете не является абсолютным, но, скорее, образует презумпцию, применяемую в отсутствие специальных норм. К числу таких норм относятся нормы, содержащие оценочные ка-

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. С. 517–642.

² «Короли и лица, облеченные верховной властью, вследствие своей независимости всегда находятся в состоянии непрерывной зависти и в состоянии и положении гладиаторов, направляющих оружие друг на друга и зорко следящих друг за другом. Они имеют форты, гарнизоны и пушки на границах своих королевств и постоянных шпионов у своих соседей, что является состоянием войны». В связи с этим государства подчинены только естественным законам, запрещающим делать то, что пагубно для жизни или лишает средств ее сохранения (Гоббс Т. Указ. соч.).

³ По словам Ф. Суареса, «хотя все человечество и не было объединено в одно политическое целое, а разделено на различные сообщества, тем не менее, дабы эти сообщества могли помогать друг другу и жить друг с другом в справедливости и мире (что необходимо для всеобщего блага), следовало, чтобы соблюдались некие общие для всех нормы, как бы по взаимному договору и согласию. И это есть то, что называется международным правом» (Цит. по: Фердросс А. Международное право. М., 1959. С. 72–74).

⁴ Современная доктрина пытается обосновать эту связь, представляя суверенитет не как верховную власть государства, а как его обязательство обеспечивать права человека (Peters A. Humanity as the A and Ω of Sovereignty // European Journal of International Law. 2009. № 3. P. 514–544).

⁵ А. Карти пишет: «Принцип эффективности, связанный с порядком и безопасностью, определяет систему и технику международного права. Однако доктрины *failed states*, опыт современной Африки и другие многочисленные и острые неразрешенные конфликты (например, в Чечне, Кашмире, Палестине, Тибете и т. д.) показывают, что, хотя международное право обеспечивает правовой ответ, оно делает это, основываясь на исторических правовых традициях, которые являются анахроническими и неполными» (Carty A. Philosophy of International Law. Edinburgh, 2007. P. 92).

⁶ Э. Берк писал: «Природа человека сложна и противоречива, цели общества тоже чрезвычайно сложны, поэтому примитивная диспозиция и примитивная власть не могут соответствовать ни человеческой душе, ни делам человека» (Берк Э. Размышления о революции во Франции // Социологические исследования. 1991. № 6–7. С. 122).

тегории («угроза миру и безопасности»), регулирующие самоопределение, действующие в интеграционных порядках и др. Напряжение между этими нормами и волевыми мифами обычно снимается консенсуальным способом: в случае затруднений действует квалификация, одобряемая большинством. Многие решения в связи с этим имеют характер *ad hoc* и не обеспечивают требуемой определенности. Аналогично акцент на личных правах человека не исключает учета других аспектов, которые могут защищаться «рикошетом» или определять политику международных институтов (например, занимающихся беженцами). С этими средствами, однако, не следует связывать больших надежд: исправляя некоторые негативные последствия волевых мифов, они не посягают на их идеологическое господство.

Деструктивное воздействие волевых мифов проявляется в следующем.

Во-первых, они создают монохромную картину, на которой бытие человека и государства сводится к акту воли; доктрина, опирающаяся на нее, оперирует узким кругом аргументов и не способна к объемному видению реальности.

Во-вторых, они порождают логические противоречия: идея суверенитета не объясняет природу норм *jus cogens*, связанность государств собственной волей, момент возникновения государства и пр. Идея прав в свою очередь не адаптирована к конфликтам частных лиц; беспомощна в ситуациях добровольного отказа от прав; не справляется с ролью общего стандарта; неэффективна, если индивид оторван от коллектива (парадокс Арендт). На внутренние дефекты накладывается борьба данных идей друг с другом: в отсутствие третьей силы конфликты между ними не имеют логического решения и могут быть преодолены только политически (отсюда неясность таких вопросов, как влияние прав человека на иммунитеты или оговорки).

В-третьих, волевые мифы разрушают реальность. В своем внутреннем аспекте идея суверенитета действует как мощное средство отчуждения народов от политики (своего рода нормативный *Священный союз*) и неиссякаемый генератор гражданских конфликтов; в своем международном аспекте она ориентирует международное право на обслуживание интересов политических и экономических элит. Идея прав монополизировала ценностную основу сотрудничества и, как результат, блокирует реальную кооперацию в сфере преодоления бедности, защиты окружающей среды, политического строительства и т. п. Ее вклад в реальное благополучие людей нельзя отрицать полностью, однако он меркнет на фоне вызванных ею катастроф.

В-четвертых, волевые мифы используются как инструмент подчинения и господства. Идея суверенитета позволяет распространить капиталистическую модель на незападные общества и включить их в глобальный рынок, а идея прав создает абсолютную *justa causa*, опираясь на которую, Запад разжигает гражданские войны, вмешивается во внутренние дела и разрушает целые страны.

В-пятых, данные мифы отчуждают от экзистенции. Идея суверенитета уничтожает многоплановость, присущую любой нации, превращая ее из субъекта политики, культуры и истории в объект власти – в набор заданных коллективных реакций на исходящие от правительства раздражители. Аналогично права человека создают новый вид человека – *человека выбирающего (Homo Elehit)*, не способного раскрыть свое естественное начало и увидеть подлинную природу вещей. К тому же предлагаемый ими выбор является обманом: предметы потребления, культурные феномены и политические идеи мало чем отличаются друг от друга и, кажется, созданы как множественность лишь с одной целью – удерживать внимание.

В-шестых, волевые мифы образуют основу других уровней мифологической структуры: каким бы смелым или образованным ни был человек и как бы далеко ни зашел в борьбе с глобальным обманом, в итоге он всегда оказывается перед противником, которого победить не в состоянии, – собственной самостью.

Второй уровень: либеральные мифы. Второй уровень образован мифами о мирном разрешении споров, международных конгрессах и организациях, свободе торговли, гуманном ведении войны, самоопределении и др. Одна их часть создает фикцию общего суверена, выполняющего те же функции, что и внутренний суверен: определение общей воли, содействие общему благу и защита нарушенных прав. В отличие от внутреннего суверена этот общий суверен не обособляется организационно и функционирует по образцу античной республики: его представителями явля-

ются все государства¹. Другая их часть выступают в качестве велений общего суверена, регулирующих международные отношения на неконсенсуальной основе; прежде всего это касается принципов международного права. Постулируя общего суверена, данные мифы дополняют внутреннюю аналогию, первый элемент которой (государства как свободные индивиды) был создан мифом о суверенитете, и одновременно опровергают тезис Гоббса, согласно которому государства пребывают в постоянном противостоянии.

Данный уровень был сформирован в результате либеральной реформы, осуществленной буржуазией в конце XVIII – начале XX в. и включавшей не только международные, но и внутригосударственные мероприятия (введение республиканского правления, всеобщего избирательного права, разделения властей и др.). Целями реформы выступали уничтожение остатков старого порядка, установление контроля за государством, утверждение капитализма как единственной политической и экономической модели и формирование глобального рынка. Важнейшими историческими событиями, на фоне которых она проходила, были Война за независимость США, Великая французская революция, Франко-прусская война и Первая мировая война. Идеологической основой реформы стала концепция общественного договора в версии Дж. Локка, согласно которой человек уступает государству лишь естественное право наказывать нарушителей и сохраняет все иные права². Этот тезис усилил идею свободы и способствовал дальнейшему отчуждению человека от государства и государства от общего порядка³.

Благодаря новым мифам крупная буржуазия смогла овладеть механизмом государства, распространить капитализм по всему миру, создать международные институты управления, подавить политические альтернативы, захватить новые рынки и сформировать глобальный рынок; а выражавшие ее интересы западные страны – перейти от колониализма, основанного на прямом насилии, к неоколониализму, основанному на экономическом господстве. Либеральная мифология объединила мир в единое целое: того, чего Запад не мог добиться при помощи крестоносцев, миссионеров и конкистадоров, он добился при помощи мифов. Этот результат был достигнут благодаря полной *секуляризации* мифологии, которая была проведена в XIX в. в рамках Просвещения (*Lumières*) – европейского интеллектуального движения, подчеркивающего значение разума и науки. Просвещение само является мифом: сведение мира к совокупности математических формул и физических законов обедняет не только мир, но и само мышление⁴.

Влияние Просвещения имело два важных следствия. *Во-первых*, поскольку конечная цель науки состоит в улучшении жизни людей, либеральные мифы изначально были созданы как инструменты реформ: они не только объясняли реальность, но и ставили задачу ее преобразования. Предметом дискуссии отныне стало не сущее, но должное, а в ряду аргументов на первое место вышли аргументы телеологические.

¹ Наиболее точно эта идея была передана Ж. Сселем, сформулировавшим два закона международного порядка. В соответствии с *законом иерархии порядков* глобальный интерес человеческого сообщества синтезирует интересы государственных сообществ и разрешает противоречия между ними. Это означает, что государство не может быть сувереном. В соответствии с *законом функционального дублирования* законодательная, исполнительная и судебная власть в рамках международного порядка осуществляется национальными правительствами, действующими и от своего имени, и от имени международного сообщества (Scelle G. Manuel de droit international public. P., 1948).

² Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 311, 334, 363.

³ Б. Констан пишет: «Целью древних было разделение общественной власти между всеми гражданами страны. Это-то они и называли свободой. Цель наших современников – безопасность частной сферы; и они называют свободой гарантии, создаваемые общественными институтами в этих целях» (Констан Б. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей // Полис. 1993. № 2. С. 101).

⁴ Т. Адорно и М. Хоркхаймер пишут: «Редукция мышления к математическому аппарату включает в себя применение принудительных санкций по отношению к миру в качестве его собственного мерила. То, что кажется триумфом субъективной рациональности, подчинение всего сущего логическому формализму, покупается ценой покорного подчинения разума непосредственно данному... Тем самым Просвещение отбрасывается вспять, в мифологию, от которой ему так никогда и не удалось ускользнуть. Ибо мифология в своих фигурах отображает эссенциальность существующего – цикличность, роковую неизбежность, господство мира – как истину и отказывает в надежде» (Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М., СПб., 1997. С. 42–43).

Во-вторых, либеральные мифы апеллировали не только к очевидным и априорным законам, но также к научным законам, устанавливаемым на основе профессионального анализа. Это предопределило участие в их разработке не только политических мыслителей – И. Бенгтама, Дж. Милля, Б. Констана, А. де Токвиля, но и узких специалистов – экономистов А. Смита и Д. Рикардо, философов И. Канта и Г. Гегеля, естествоиспытателя Ч. Дарвина и др. Научный характер либеральных мифов обеспечил их более прочную легитимацию и защитил их от критики, основанной на здравом смысле, – любая содержательная дискуссия отныне требует специальных познаний.

В генезисе данных мифов также приняли участие государства, закрепившие их в договорах и решениях конгрессов, что придало международному праву неведомое ранее нормативное измерение. Идея правосудия была установлена в Договоре Джея 1794 г.; идея международной организации – в Трактате об учреждении Священного союза 1815 г. и Уставе Лиги наций 1919 г.; идея свободной торговли – в Договоре Кобдена-Шевалье 1860 г.; идея гуманизации войны – в Гаагских конвенциях 1899–1907 гг. Харизматическая легитимация мифов, таким образом, была дополнена рациональной легитимацией, предполагающей признание со стороны государств и народов. Правовая доктрина отреагировала на это с некоторым опозданием и вплоть до середины XIX в. ограничивалась описанием актуального порядка; после этого на смену юристам-догматикам (профессионалам) пришли юристы-реформаторы, которые занялись не только разработкой политических проектов, но и их реализацией – в качестве консультантов правительств, международных служащих и судей¹.

В отличие от волевых мифов либеральные мифы редуцируют не свойства субъекта, а свойства порядка, т. е. важные закономерности общественных отношений. Применительно к конкретным мифам механизм искажения действует следующим образом.

Мирное разрешение международных споров на первый взгляд построено по внутригосударственной модели и должно обеспечивать такой же результат: предотвращение нарушений, исключение частной войны и восстановление справедливости. Процедуры разрешения международных споров, однако, задействуются только с согласия обеих сторон спора; если оно не достигнуто, потерпевший вправе лишь применить контрмеры, т. е. воздействовать на нарушителя своими силами. В связи с этим нарушитель почти всегда может заблокировать мирные процедуры, предложить одностороннюю квалификацию и остаться безнаказанным, лишив тем самым потерпевшего не только возмещения, но и самой возможности быть услышанным. Помимо этого, существуют частные дефекты: зависимость судейского корпуса, отсутствие инстанционности и др.

Миф о международных конгрессах и организациях выражает идею суверена, опирающегося на демократические процедуры и защищающего порядок. Образ заботливого суверена всегда идеален, его расхождение с действительностью в международном порядке, однако, еще заметнее, чем во внутреннем порядке. Международные процедуры не соответствуют стандартам демократии: право вето и взвешенное голосование отражают идею олигархического правления и лишают большинство государств возможности повлиять на решение. Некоторые решения, будучи принятыми, так и остаются мертвой буквой по причине их саботирования крупными странами и отсутствия принудительных механизмов. В результате международные организации выступают проводниками интересов сверхдержав, крупных корпораций и формирующегося на их основе нового класса международных бюрократов², а присутствие в них

¹ М. Коскенниemi пишет, что современное международное право не началось в Вестфалии: профессиональный подход Гроция и Ваттеля отличается от реформистского подхода, возникшего в конце XIX в. как часть европейского либерализма. Реформистский подход перестал вызывать энтузиазм в районе 1960 г. и был заменен деполитизированным прагматизмом (Г. Лаутерпахт) и подходом, отражавшим имперские интересы (Г. Моргентав) (*Koskenniemi K. The Gentle Civilizer of Nations: The Rise and Fall of International Law 1870–1960. Cambridge, 2001*).

² Ф. Аллот пишет: «Международная политика XXI века увидела восхождение международного правящего класса, беспрецедентного с точки зрения размера, власти и высокомерия... Новая международная *Hofmafia* включает *noblesse de cour*, состоящую из национальных политиков и старших национальных и международных чиновников, которые совещаются по поводу глобального публичного интереса в своих Олимпийских конклавах. Она включает *noblesse de robe* – всех публичных служащих (и профессионально практикующих международных юристов), посвятивших себя благополучию народа мира, несмотря на

всех остальных стран призвано лишь создавать иллюзию плюрализма и придавать легитимность принимаемым решениям.

Режим свободной торговли в теории уменьшает издержки коммерсанта и увеличивает его прибыль, что ведет к насыщению рынка, усилению конкуренции и снижению цен; государство теряет доходы от пошлин, но компенсирует их налогом с оборота; экономический рост способствует внутренней и международной стабильности¹. Некоторые факторы, однако, корректируют эту модель. В силу фактора *монополий* коммерсант поддерживает цены на прежнем уровне и выводит получаемую сверхприбыль из страны. В силу *разности потенциалов* коммерсант, вошедший на чужой рынок, вытесняет конкурентов и уничтожает национальную промышленность. В силу *глобальной экономики* от снижения пошлин выигрывают только экспортно-ориентированные отрасли; остальные, наоборот, терпят убытки; результатом является прогрессирующая однопрофильность. Кроме того, повышая средний уровень потребления, свободная торговля необязательно решает проблемы технологической отсталости, бедности, зависимости и коррупции; некоторые из них она усугубляет².

Миф о *гуманном ведении войны* требует соблюдения принципов избирательности и необходимости, объясняя их заботой о человеческой жизни и межгосударственным характером конфликта. Этот благой посыл, рассчитанный на применение в условиях равного поединка двух законных врагов (*justus hostis*), был извращен в результате распространения модели дискриминационной войны, предполагающей квалификацию противника как врага человеческого рода (*hostis humani generis*), крайнюю жестокость по отношению к нему во время сражения и расправу над ним в случае победы³. Требование гуманности, таким образом, стало *односторонним*, т. е. адресованным только проигравшему или заведомо более слабому противнику; юридическая оценка действий победителя при этом полностью исключается. Этот переход от феодальной модели войны как дуэли стал прямым следствием либерализма, допускающего манипулирование *общечеловеческими* ценностями⁴. Первая мировая война стала первым опытом применения новой модели; последующие войны утвердили ее окончательно.

Еще одна трансформация состоялась в конце XX в., когда западные страны достигли подавляющего превосходства в военной технике, позволяющего уничтожить живую силу и ресурсы противника быстро, эффективно и без физического присутствия в районе боевых действий (*«no boots on the ground»*). В результате возникшей асим-

то что народ мира мало знает и ценит их работу. Он также включает тех, кого можно назвать *noblesse de plume*, – историков дипломатии, академических международных юристов, различных международных комментаторов и аналитиков, а также специалистов в так называемых „международных отношениях“. Они оказывают интеллектуальную поддержку и психологическую помощь тем, кто несет груз международного правления» (*Allot Ph. The Health of Nations. Society and Law beyond the State. Cambridge, 2004. P. 396–397*).

¹ Лидер английских фритрейдеров Р. Кобден (1804–1865) заявлял: «В принципе свободы торговли я вижу силу, которая в нравственном мире будет действовать так же, как закон всемирного тяготения во Вселенной, – сближая людей, устраняя вражду, вызываемую различием рас, религий и языков, соединяя нас узлами вечного мира» (Цит. по: *Линдси Б. Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма. М., 2006. С. 108*).

² Отсутствие корреляции между расширением потребления и проблемой бедности было доказано Р. Пребишем, по мнению которого, рациональное накопление капитала могло бы повысить эффективность производства при одновременном втягивании в него огромных масс населения, но имитация стандартов потребления развитых стран препятствует такому накоплению: «Общество потребления несовместимо с целями искоренения общества недопотребления» (*Пребиш Р. Актуальные проблемы социально-экономического развития // Латинская Америка. 1977. № 6. С. 44–52; Его же. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива. М., 1992*).

³ К. Шмитт пишет: «Такие войны – это войны, по необходимости, особенно интенсивные и бесчеловечные, ибо они, выходя за пределы политического, должны одновременно умять врага в категориях моральных и иных и делать его бесчеловечным чудовищем, которое должно быть не только отогнано, но окончательно уничтожено...» (*Шмитт К. Теория партизана. М., 2007. С. 140*).

⁴ Э. Юнгер пишет: «В наше время ни одна держава не осмеливается открыто заявить о нападении на другую державу, а наоборот, говорит об оборонительной войне, целью которой провозглашается не победа, а мир, прогресс, цивилизация или любая другая гуманитарная ценность... Получается так, что противник выступает не как враг в естественном или рыцарском смысле, а именно как противник всех вышеупомянутых ценностей, то есть как противник человечества как такового. Отсюда вытекает подлая и (в ином, не гуманитарном смысле) бесчеловечная ложь» (*Юнгер Э. Введение к фотоальбому «Здесь говорит враг» (1931) // Юнгер Э. Политические статьи 1923–1933. М., 2008. С. 249*).

метрии война перестала быть противостоянием не только юридически, но и фактически, став актом правосудия в отношении беспомощного врага (чем-то вроде дезинфекции). В этих условиях все доступные слабому способы борьбы предполагают сознательное и системное нарушение международного права¹, а последнее, требуя от жертвы уважения по отношению к палачу, утрачивает какую-либо связь со справедливостью. В итоге основная функция данного мифа сегодня состоит в дополнительной дискредитации врага, позволяющей организовать тотальную борьбу с ним, исключить встречные обвинения и легитимировать политическую власть в государствах, осуществляющих вмешательство.

Миф о самоопределении требует, чтобы правительство учитывало волю народа, и наделяет нацию правом на сепарацию. После Первой мировой войны он был использован для расчленения проигравших империй и установления нового баланса сил в Европе²; в дальнейшем – для проведения деколонизации и закрепления результатов распада СФРЮ и СССР. С самого начала его действие было ограниченным. *Во-первых*, он не предоставляет внутренних гарантий (права на язык и др.), предлагая принять презумпцию внутреннего самоопределения (соответствия текущего статуса нации ее потребностям). *Во-вторых*, право на сепарацию действует лишь в случае непредставления нации правительством³; в силу неопределенности этого критерия его применение зависит от позиции большинства государств, а не от желания самой нации⁴. *В-третьих*, самоопределение может быть реализовано только в форме создания буржуазного демократического государства⁵. *В-четвертых*, часть доктрины ограничивает его действие сферой внутреннего порядка⁶ или сферой индивидуальных прав⁷.

Деструктивное воздействие либеральных мифов проявляется в следующем.

Во-первых, внутренняя аналогия учитывает лишь внешнее сходство международных и внутренних институтов и игнорирует глубокие различия между ними; создавая

¹ По словам М. Шмитта, «противник может быть настолько неспособен военным способом противостоять своему врагу, что нападения на защищаемых лиц и объекты становятся доктриной» (*Schmitt M. N. Asymmetrical Warfare and International Humanitarian Law // International Humanitarian Law Facing New Challenges / ed. by W. H. von Heinegg, V. Epping. Berlin; Heidelberg; N. Y., 2007. P. 39*).

² Пункт 5 Программы В. Вильсона устанавливал, что «при разрешении всех вопросов, касающихся суверенитета, интересы населения должны иметь одинаковый вес по сравнению со справедливыми требованиями того правительства, права которого должны быть определены» (Четырнадцать пунктов президента США В. Вильсона об условиях мира из его послания Конгрессу от 8 января 1918 г. // Системная история международных отношений. 1918–2000: в 4 т. / под ред. А. Д. Богатурова. Т. 2: Документы 1910–1940-х гг. М., 2000. С. 27–28).

³ Декларация о принципах международного права 1970 г. содержит так называемую защитную оговорку: «Данный принцип [самоопределения] не должен истолковываться как санкционирующий или поощряющий любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов и, вследствие этого, имеющих правительства, представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории».

⁴ По мнению Дж. Крофорда, принцип самоопределения используется как право после того, как субъект самоопределения был установлен путем применения соответствующих норм; признание наций, борющихся за самоопределение, как субъектов международного права в связи с этим носит конститутивный характер (*Crawford J. The Criteria for Statehood in International Law // British Yearbook of International Law. 1976. Vol. 48. № 1. P. 108–109 and 160–161*).

⁵ Б. Чимни пишет: «Образование буржуазного демократического государства при неподходящих социальных условиях трансформирует соответствующее общество в зависимую и подчиненную социальную формацию, главной функцией которой является облегчение присутствия и функционирования транснационального капитала» (*Chimni B. S. An outline of a Marxist course on public international law // International law on the left: re-examining Marxist legacies / ed. by S. Marks. Cambridge, 2008. P. 59*).

⁶ В решении от 20 августа 1998 г. по делу об отделении Квебека Верховный суд Канады указал, что принцип самоопределения создает права только «в рамках существующих суверенных государств и при условии сохранения территориальной целостности данных государств». См. также: *Klabbers J. The Right to be Taken Seriously: Self-Determination in International Law // Human Rights Quarterly. 2006. Vol. 28. № 1. P. 186–206*.

⁷ В контексте прав человека самоопределение понимается как относящееся к отдельной личности, как «определение принадлежности к тому этническому, религиозному или языковому сообществу, к которому он или она желает принадлежать» (Opinion No. 2 of the Arbitration Commission of the Peace Conference on Yugoslavia – Paris, 11 January 1992 // *Yugoslavia Through Documents: From Its Creation to Its Dissolution / ed. by S. Trifunovska. Dordrecht; Boston; L., 1994. P. 474–475*). См. также: *McCorquodale R. Self-Determination: A Human Rights Approach // International and Comparative Law Quarterly. 1994. Vol. 43. P. 857–885*.

мый ею дискурс крайне схоластичен и закрыт (отсюда – критика международного права как неправа).

Во-вторых, либеральные мифы порождают режимы, которые выглядят целостными только при условии принятия ряда презумпций и исключения критики извне. Некоторые из них автономны (*self-contained*), т. е. выстроены на основе собственных принципов, расходящихся с принципами общего права (право ВТО и др.). К этому добавляются дискурсивные противоречия, например между обязанностью мирного разрешения споров и принципом свободы выбора средств.

В-третьих, либеральные мифы не в состоянии обеспечивать порядок, поскольку не решают ряда политических и экономических проблем, а некоторые из них, например проблемы экономического неравенства или политической зависимости, наоборот, усугубляют.

В-четвертых, они используются как инструмент неокOLONиализма: давая ложное обещание защиты общего интереса, они включают страны и народы в глобальную капиталистическую иерархию; предоставляя формальный статус полноправных субъектов международного права, они запрещают использовать альтернативные средства сопротивления; не предоставляя эффективных гарантий против злоупотреблений, они санкционируют принуждение со стороны тех, кто находится на вершине иерархии¹.

В-пятых, они исключают возможность объединения человеческого сообщества на основе иной, более устойчивой и гармоничной, парадигмы, основанной не на признании господства правящих элит и принятии противоречивых и оторванных от жизни концепций, а на уважении к каждой отдельной культуре, подлинном сотрудничестве и преодолении онтологических вызовов².

В-шестых, либеральные мифы создают противовес волевым мифам и совместно с последними формируют устойчивую и способную к саморазвитию мифологическую структуру.

(Продолжение статьи будет опубликовано в 4-м номере журнала за 2019 год)

Список литературы

Августин Аврелий. О граде Божием. Минск; М., 2000.

Августин Аврелий. О свободе воли // Антология средневековой мысли / под ред. С. С. Неретиной. СПб., 2001.

Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М., СПб., 1997.

Андерсон П. Переходы от античности к феодализму. М., 2007.

Аннерс Э. История европейского права. М., 1994.

Аристотель. Политика. М., 2012.

Баткин Л. М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989.

Берк Э. Размышления о революции во Франции // Социологические исследования. 1991. № 6–7.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 2017.

Геродот. История. Л., 1972.

Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М., 1991. Т. 2. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf.

Гомер. Илиада. М., 2000.

¹ По словам К. Маркса, «при столкновении двух равных прав решает сила» (Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1960. Т. 23. С. 246). Эта мысль была развита Ч. Мьевиллем, по мнению которого, принуждение является необходимым в международных отношениях, где нет верховной власти, соответствующей буржуазному государству в рамках внутреннего порядка и где аппарат насилия управляется самими государствами-нациями. В этом смысле международное право является правом в наиболее чистой форме, глубоко укорененным в империализме и войне (Miéville Ch. Between Equal Rights: A Marxist Theory of International Law. Leiden, 2005).

² Ф. Аллот, например, предлагает девять принципов нового порядка: 1) международное сообщество является сообществом человеческой расы; 2) его членами являются как отдельные люди, так и их сообщества; 3) оно имеет конституцию, учреждающую и распределяющую социальную власть; 4) его органами являются государственные сообщества и международные организации; 5) его правом является международное право; 6) его конституция является динамичной; 7) государственные и иные сообщества несут ответственность за злоупотребление делегированной властью; 8) международное право является динамичным; 9) международное сообщество и международное право стремятся обеспечить выживание и процветание человечества. Для того чтобы прийти к этому мироустройству, необходимо совершить революцию «не на улицах, а в головах» (Allott Ph. Op. cit. P. 420–421).

- Констан Б. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей // Полис. 1993. № 2.
- Линдси Б. Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма. М., 2006.
- Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. М., 1988. Т. 3.
- Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1955. Т. 1.
- Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
- Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1960. Т. 23.
- Медведев И. П. Некоторые правовые аспекты византийской государственности // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.). Л., 1990.
- Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса: в 2 т. / сост. В. П. Шестаков. М., 1981. Т. 1.
- Платон. Законы, или О законодательстве // Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М., 2013.
- Пребиш Р. Актуальные проблемы социально-экономического развития // Латинская Америка. 1977. № 6.
- Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива. М., 1992.
- Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997.
- Толстых В. Л. Международное право как мифология // Российский юридический журнал. 2019. № 2.
- Толстых В. Л. Ренессансное понимание достоинства и его влияние на современную концепцию прав человека // Правоведение. 2016. № 2.
- Фердросс А. Международное право. М., 1959.
- Цицерон. О государстве // Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М., 1966.
- Четырнадцать пунктов президента США В. Вильсона об условиях мира из его послания Конгрессу от 8 января 1918 г. // Системная история международных отношений. 1918–2000: в 4 т. / под ред. А. Д. Богатурова. Т. 2: Документы 1910–1940-х гг. М., 2000.
- Шекспир У. Тимон Афинский // Шекспир У. Полное собрание сочинений: в 8 т. М., 1960. Т. 7.
- Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб., 2008.
- Шмитт К. Теория партизана. М., 2007.
- Шюрбаум В. Цицерон: De re publica // Res publica: история понятия. СПб., 2009.
- Юнгер Э. Введение к фотоальбому «Здесь говорит враг» (1931) // Юнгер Э. Политические статьи 1923–1933. М., 2008.
- Allot Ph. The Health of Nations. Society and Law beyond the State. Cambridge, 2004.
- Carty A. Philosophy of International Law. Edinburgh, 2007.
- Chimni B. S. An outline of a Marxist course on public international law // International law on the left: re-examining Marxist legacies / ed. by S. Marks. Cambridge, 2008.
- Crawford J. The Criteria for Statehood in International Law // British Yearbook of International Law. 1976. Vol. 48. № 1.
- Klabbers J. The Right to be Taken Seriously: Self-Determination in International Law // Human Rights Quarterly. 2006. Vol. 28. № 1.
- Koskenniemi K. The Gentle Civilizer of Nations: The Rise and Fall of International Law 1870–1960. Cambridge, 2001.
- McCorquodale R. Self-Determination: A Human Rights Approach // International and Comparative Law Quarterly. 1994. Vol. 43.
- Miéville Ch. Between Equal Rights: A Marxist Theory of International Law. Leiden, 2005.
- Opinion No. 2 of the Arbitration Commission of the Peace Conference on Yugoslavia – Paris, 11 January 1992 // Yugoslavia Through Documents: From Its Creation to Its Dissolution / ed. by S. Trifunovska. Dordrecht; Boston; L., 1994.
- Peters A. Humanity as the A and Ω of Sovereignty // European Journal of International Law. 2009. № 3.
- Scelle G. Manuel de droit international public. P., 1948.
- Schmitt M. N. Asymmetrical Warfare and International Humanitarian Law // International Humanitarian Law Facing New Challenges / ed. by W. H. von Heinegg, V. Epping. Berlin; Heidelberg; N. Y., 2007.

References

- Adorno T., Khorkkhaimer M. Dialektika prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty. M., SPb., 1997.
- Allot Ph. The Health of Nations. Society and Law beyond the State. Cambridge, 2004.
- Anderson P. Perekhody ot antichnosti k feodalizmu. M., 2007.
- Annex E. Istoriya evropeiskogo prava. M., 1994.

- Aristotel'*. Politika. M., 2012.
- Avgustin Avrelii*. O grade Bozhiem. Minsk; M., 2000.
- Avgustin Avrelii*. O svobode voli // Antologiya srednevekovoi mysli / pod red. S. S. Neretinoi. SPb., 2001.
- Batkin L. M.* Ital'yanskoe Vozrozhdenie v poiskakh individual'nosti. M., 1989.
- Berk E.* Razmyshleniya o revolyutsii vo Frantsii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1991. № 6–7.
- Carty A.* Philosophy of International Law. Edinburgh, 2007.
- Chetyrnadtsat' punktov prezidenta SShA V. Vil'sona ob usloviyakh mira iz ego poslaniya Kongressu ot 8 yanvarya 1918 g. // Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii. 1918–2000: v 4 t. / pod red. A. D. Bogaturova. T. 2: Dokumenty 1910–1940-kh gg. M., 2000.
- Chimni B. S.* An outline of a Marxist course on public international law // International law on the left: re-examining Marxist legacies / ed. by S. Marks. Cambridge, 2008.
- Crawford J.* The Criteria for Statehood in International Law // British Yearbook of International Law. 1976. Vol. 48. № 1.
- Ferdross A.* Mezhdunarodnoe pravo. M., 1959.
- Gerodot*. Istoriya. L., 1972.
- Gobbs T.* Leviafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo // *Gobbs T.* Sochineniya: v 2 t. M., 1991. T. 2. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf.
- Gomer*. Iliada. M., 2000.
- Klabbers J.* The Right to be Taken Seriously: Self-Determination in International Law // Human Rights Quarterly. 2006. Vol. 28. № 1.
- Konstan B.* O svobode u drevnikh v ee sravnenii so svobodoi u sovremennykh lyudei // Polis. 1993. № 2.
- Koskenniemi K.* The Gentle Civilizer of Nations: The Rise and Fall of International Law 1870–1960. Cambridge, 2001.
- Lindsy B.* Globalizatsiya: povtorenie proidennogo. Neopredelennoe budushchee global'nogo kapitalizma. M., 2006.
- Lokk Dzh.* Dva traktata o pravlenii // *Lokk Dzh.* Sochineniya: v 3 t. M., 1988. T. 3.
- Marks K.* Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 g. // *Marks K., Engel's F.* Iz rannikh proizvedenii. M., 1956.
- Marks K.* K evreiskomu voprosu // *Marks K., Engel's F.* Sochineniya. M., 1955. T. 1.
- Marks K.* Kapital. T. 1 // *Marks K., Engel's F.* Sochineniya. M., 1960. T. 23.
- McCorquodale R.* Self-Determination: A Human Rights Approach // International and Comparative Law Quarterly. 1994. Vol. 43.
- Medvedev I. P.* Nekotorye pravovye aspekty vizantiiskoi gosudarstvennosti // Politicheskie struktury epokhi feodalizma v Zapadnoi Evrope (VI–XVII vv.). L., 1990.
- Miéville Ch.* Between Equal Rights: A Marxist Theory of International Law. Leiden, 2005.
- Opinion No. 2 of the Arbitration Commission of the Peace Conference on Yugoslavia – Paris, 11 January 1992 // Yugoslavia Through Documents: From Its Creation to Its Dissolution / ed. by S. Trifunovska. Dordrecht; Boston; L., 1994.
- Peters A.* Humanity as the Λ and Ω of Sovereignty // European Journal of International Law. 2009. № 3.
- Piko della Mirandola Dzh.* Rech' o dostoinstve cheloveka // Estetika Renessansa: v 2 t. / sost. V. P. Shestakov. M., 1981. T. 1.
- Platon.* Zakony, ili O zakonodatel'stve // *Platon.* Polnoe sobranie sochinenii v odnom tome. M., 2013.
- Prebish R.* Aktual'nye problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya // Latinskaya Amerika. 1977. № 6.
- Prebish R.* Periferiinyi kapitalizm: est' li emu al'ternativa. M., 1992.
- Scelle G.* Manuel de droit international public. P., 1948.
- Schmitt M. N.* Asymmetrical Warfare and International Humanitarian Law // International Humanitarian Law Facing New Challenges / ed. by W. H. von Heinegg, V. Epping. Berlin; Heidelberg; N. Y., 2007.
- Shekspir U.* Timon Afinskii // *Shekspir U.* Polnoe sobranie sochinenii: v 8 t. M., 1960. T. 7.
- Shmitt K.* Nomos Zemli v prave narodov jus publicum europaeum. SPb., 2008.
- Shmitt K.* Teoriya partizana. M., 2007.
- Shyurbaum V.* Tsitseron: De re publica // Res publica: istoriya ponyatiya. SPb., 2009.
- Smit A.* Teoriya npravstvennykh chuvstv. M., 1997.
- Tolstykh V. L.* Mezhdunarodnoe pravo kak mifologiya // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2019. № 2.
- Tolstykh V. L.* Renessansnoe ponimanie dostoinstva i ego vliyanie na sovremennuyu kontseptsiyu prav cheloveka // Pravovedenie. 2016. № 2.
- Tsitseron.* O gosudarstve // *Tsitseron.* Dialogi. O gosudarstve. O zakonakh. M., 1966.
- Veber M.* Protestantskaya etika i dukh kapitalizma. M., 2017.
- Yunger E.* Vvedenie k fotoal'bomu «Zdes' govorit vrag» (1931) // *Yunger E.* Politicheskie stat'i 1923–1933. M., 2008.